
*Г. И. ФОКИН**

**НОВГОРОДЦЫ И ПСКОВИЧИ
КАК «БРАТЬЯ» ДРУГ ДРУГУ
В ЛЕТОПИСНЫХ ИЗВЕСТИЯХ ЗА XII–XIV вв.**

В статье предпринята попытка комплексного анализа самых ранних (XII–XIV вв.) упоминаний новгородцев и псковичей как «братьев» друг другу в новгородских и псковских летописях. Прослежена эволюция понятия «братства» – от первых упоминаний XII–XIII вв. в Новгородской I летописи до известий середины XIV в. псковских летописей и летописей Новгородско-Софийской группы. Несмотря на то что все упоминания новгородско-псковского «братства» так или иначе связаны с конфликтными контекстами, характер обращения летописцев к этому понятию менялся с течением времени: если в XII–XIII вв. «братство» Новгорода и Пскова упоминается в примирительном смысле, то в летописании XIV в. «братство», будучи связано с представлениями о военной взаимопомощи, становится уже дополнительным фактором накапливающихся обид между городами. Уточнена хронология словоупотребления: самый ранний случай, где псковичи названы «братией» новгородцев, читается в Новгородской I летописи под 1137 г., тогда как в псковских летописях новгородцы впервые названы «братией» псковичей только в 1342 г. В статье подчеркивается, что летописным известиям XII – середины XIV в. неизвестны представления о «братской» иерархии («брат младший» – «брат старейший») между Новгородом и Псковом. Выявлена асимметрия использования понятия «братства» в Новгороде и Пскове: в псковских источниках слово «братство» редко применялось для обозначения собственной городской общины, тогда как в новгородских источниках оно было распространенным самоназванием новгородцев. Высказано предположение, что «братство» отражало определенный и сравнительно высокий политический статус псковичей, отличающийся от статуса ладожан или новоторжцев (никогда «братией» новгородцев не называвшихся).

Ключевые слова: Великий Новгород, Псков, Древняя Русь, братство, летописи, политическая история, политический язык, текстология.

Поступила в редакцию: 27.10.2025

Принята к печати: 19.07.2026

DOI: 10.7868/S0130086526030017

* **Фокин Григорий Игоревич**, аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге. E-mail: gfokin@eu.spb.ru; ORCID: 0009-0008-2448-1511.

Fokin Grigoriy I., postgraduate student, European University at Saint Petersburg. E-mail: gfokin@eu.spb.ru; ORCID: 0009-0008-2448-1511.

NOVGORODIANS AND PSKOVIAN
AS «BROTHERS» TO EACH OTHER
IN THE RUSSIAN CHRONICLES ACCOUNTS
OF THE XIITH – XIVTH CENTURIES

This article undertakes a comprehensive analysis of the earliest (12th – 14th centuries) instances in which Novgorodians and Pskovians are referred to as «brothers» to one another in the Novgorod and Pskov chronicles. It traces the evolution of the concept of «brotherhood» – from its first mentions in the 12th – 13th centuries in the First Novgorod Chronicle to the accounts from the mid-14th century found in the Pskov chronicles and the chronicles of the Novgorod-Sophia group. Although all references to Novgorod-Pskov «brotherhood» are in one way or another connected with conflictual contexts, the nature of the chroniclers' use of this concept changed over time: whereas in the 12th – 13th centuries the «brotherhood» of Novgorod and Pskov is mentioned in a reconciliatory sense, in the 14th-century chronicle tradition, «brotherhood», being linked to notions of military mutual aid, becomes an additional factor in the accumulating grievances between the two cities. The chronology of the term's usage has been clarified: the earliest instance where Pskovians are called the «brethren» of the Novgorodians is found in the First Novgorod Chronicle under the year 1137, whereas in the Pskov chronicles, the Novgorodians are first called the «brethren» of the Pskovians only in 1342. The article emphasizes that the chronicle accounts from the 12th to the mid-14th century show no evidence of notions of a «fraternal» hierarchy («younger brother» – «elder brother») between Novgorod and Pskov. An asymmetry in the use of the concept of «brotherhood» in Novgorod and Pskov has been revealed: in Pskov sources, the word «brotherhood» was rarely used to denote their own the urban community, whereas in Novgorod sources it was a common self-designation for the Novgorodians. It is suggested that the concept of «brotherhood» reflected a specific and relatively high political status of the Pskovians, which distinguished them from the status of the residents of Ladoga or Torzhok (who were never referred to as the «brethren» of the Novgorodians).

Keywords: Novgorod the Great, Pskov, Old Rus', brotherhood, Russian chronicles, political history, political language, textology.

В историографии Новгород и Псков принято называть «братьями»: Новгород «старшим», а Псков – «младшим». Эти обозначения прочно вошли в литературу еще в конце XVIII в.¹ и обязаны своим существованием языку источников, где оба крупнейших города Северо-Запада Руси с определенного времени стали называться «братьями». Обычно под этим «братством» исследователи понимают указание на некую политическую зависимость Пскова от Новгорода или даже на «вассально-сеньориальный»

¹ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. 3: От покорения России Татарами до великого Князя Димитрия Иоанновича Донского. СПб., 1774. С. 410–411; Ильинский Н. С. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания. Заключающее в себе многие достойные любопытства происхождимости. Составленное из многих древних летописцев, надписей, записок и Российской истории Николаем Ильинским. СПб., 1790. Ч. 1. С. 21.

характер отношений двух городов². Однако до сих пор не было проведено ни одного специального исследования, посвященного характеру и хронологии упоминаний новгородско-псковского «братства», несмотря на то что употребление понятия и его значение менялись с течением времени: например, иерархия «братьев» (старший – младший) не упоминается в новгородских и псковских летописях вплоть до конца XIV в. Кроме того остается неясным, когда и при каких условиях зародились представления о новгородско-псковском «братстве»? Существовали ли различия между тем, как к понятию «братства» обращались псковские и новгородские летописцы? Каким образом менялось содержание понятия с течением времени? Для ответа на эти и другие вопросы в настоящей работе предпринята попытка комплексного анализа самых ранних упоминаний «братства», хронология которых весьма неравномерна: XII–XIII вв. для новгородских летописей и середина XIV в. – для псковских.

Стоит оговориться, что «братства» в качестве абстрактного термина для характеристики новгородско-псковских отношений не существовало (хотя само слово «братство» могло использоваться³): книжники Новгорода и Пскова не предпринимали попыток теоретического осмысления отношений между городами. Поэтому «братство» в настоящей работе – это понятие, отражающее представления новгородских и псковских летописцев об особом единстве двух городов, которое выражалось в производных от корня «брат» словах.

В Древней Руси понятие «братства» занимало заметное место в используемой в междукняжеских отношениях лексике кровного родства, став с XIV в. важной частью формул заключаемых князьями договорных грамот⁴. Оно также было неотъемлемой частью новгородского политического языка, воплощая в себе представления об особом духовном и политическом единстве горожан⁵. О важности понятия говорит разнообразие значений слова «братъ» в древнерусском языке. В «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» дается два основных значения: кровный брат и «лицо равное другому в каком-либо отношении». Второе значение

² Колотилова С. И. К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики // История СССР. 1975. № 2. С. 152; Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 136, 139.

³ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 160–161.

⁴ Филиошкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 226–233; Лавренченко М. Л. Термины родства и договорные формулы в политике Рюриковичей XII–XV вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья. М., 2020. С. 232–255.

⁵ Lukin P. V. Urban Community and Consensus: Brotherhood and Communalism in Medieval Novgorod // Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries. Amsterdam, 2016. Pp. 279–306.

имеет несколько разновидностей: монах, член религиозной общины, единомышленник, союзник, а эпитет «молодышии» указывает на более низкое положение «в феодальном обществе»⁶. Само слово «братство» составители словаря определяют как кровное родство, дружескую связь, товарищество, объединение людей и религиозную общину⁷. О семантике этого понятия говорят и производные от него слова, обозначающие действие и отношение к братьям: братолюбие, братолюбство, братоненавидѣние, братоненавистие, братоубиение⁸.

Первые упоминания новгородско-псковского «братства» происходят из новгородских источников. Впервые оно встречается в статье 1137 г. Новгородской I летописи старшего извода (НПЛ ст.), в тексте, создававшимся уже в рамках владычного, а не княжеского летописания⁹. Согласно НПЛ, новгородское войско во главе со Святославом Ольговичем, отправилось к Пскову «прогонити Всѣволода (Мстиславича – Г. Ф.)», но не дойдя до города, «вспятившеся на Дубровнѣ». Отмена похода против псковичей мотивируется словами, которые, согласно НПЛ, произнесли «князь и людье на пути»: «не проливаите крови *съ своею братьею* (курсив мой. – Г. Ф.), негль Богъ како управит своимъ промысломъ»¹⁰.

Этот поход был вызван событиями, в которых псковичи впервые действовали вопреки воле Новгорода: Всеволод Мстиславич, изгнанный новгородцами в 1136 г., в 1137 г. по просьбе псковичей (и некоторых видных новгородцев) прибыл в Псков с намерением «сѣсти опять на столе своемъ» в Новгороде¹¹. Несмотря на возникший конфликт, именно в этом известии псковичи впервые называются «братьей» новгородцев, чем в повествование вводится тема недопустимости братского кровопролития, служащая оправданием отмены похода.

Известно, что в древнерусской книжности братоубийство регулярно осуждалось¹², но жители двух городов до сих пор еще не назывались «братьей» по отношению друг к другу. Кроме того, упоминание в НПЛ «братьи-псковичей» хронологически *предшествует* первому упоминанию

⁶ СДРЯ. Т. 1. С. 311–312.

⁷ Там же. С. 313.

⁸ Там же. С. 310–311.

⁹ Гунтус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 41.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 25.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Например, в «Сказании о Борисе и Глебе», созданном на рубеже XI–XII вв., братоубийца Святополк сравнивается с Каином, а также цитируется первое апостольское послание Иоанна (1 Ин 4:20): «Иже рече – “Бога люблю”, а брата своего ненавидитъ – лъжь есть» (Сказание о Борисе и Глебе // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1.: XI–XII века. С. 330). Этот же отрывок цитируется и в «Поучении» Владимира Мономаха (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 252).

собственно новгородской «братьи», которая впервые встречается только в известии НПЛ 1157 г.¹³ о противостоянии между новгородцами из-за попытки изгнания Мстислава Юрьевича, когда в Новгороде «свадишася братья»¹⁴ (то есть «рассорилась»)¹⁵. При этом слово «братья» здесь не часть прямой речи действующих в рассказе лиц, а самостоятельная характеристика летописца новгородской политической общности. П. В. Лукин предлагает рассматривать новгородское «братство» как категорию единодушия, справедливо замечая, что противостояние между горожанами не мешало летописцу продолжать называть их «братьями»¹⁶.

Возникает вопрос: было ли упоминание «братства» 1137 г. единичным риторическим приемом или это отражение нового политического («братского») статуса Пскова? Дело в том, что в новгородских летописях кроме псковичей (и самих новгородцев) никто никогда больше не характеризовался в качестве «братьи» новгородцев: ни новоторжцы, ни ладожане не назывались «братей» и не знали подобных обозначений. Псковичи навсегда остались *единственными* «братьями» новгородцев. Это представляется неслучайным, если учитывать, что именно после 1137 г. положение псковичей начинает заметно отличаться от положения ладожан и новоторжцев: в отличие от Ладоги и Торжка, Псков после 1137 г. прекращает принимать новгородских посадников¹⁷, а со второй половины XII в. псковичи начинают регулярно участвовать в совместных с новгородцами

¹³ Первое упоминание «братьи-новгородцев» в независимом от Новгорода летописании читается в Повести временных лет в рассказе 1015 г. о конфликте новгородцев с Ярославом Владимировичем (Мудрым) и варягами, где новгородцы, обращаясь к князю, сами называют себя «братьей»: «И рѣша новгородци: “аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти”» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 141). В варианте этого же известия в НПЛ мл. слово «братия» используется только в качестве обращения князя к новгородцам, сами же новгородцы себя так не называют (ср.: ПСРЛ. Т. 3. С. 174–175). Так или иначе, оба варианта остаются единственным упоминанием «братьи-новгородцев» вплоть до середины XII в.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 30.

¹⁵ СДРЯ. Т. 12. С. 181.

¹⁶ Лукин П. В. Принцип единодушия в представлениях и политической практике Древней Руси // Образы прошлого: Сб. памяти А. Я. Гуревича. СПб., 2011. С. 381; Небольшую работу проблеме внутриновгородского «братства» посвятила М. Л. Лавренченко, выделив духовное и военное значение этого понятия (Лавренченко М. Л. «Братья» новгородцы – соседи или союзники? // Восточная Европа в древности и в средневековье. Античные и средневековые общности: XXIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 2017. С. 124–127).

¹⁷ Известен только один новгородский посадник в Пскове: Мирослав Гюрятинич, отправленный в Псков в 1132 г. Затем вплоть до XIV в. ни о каких посадниках в Пскове летописи ничего не сообщают. При этом в НПЛ новгородские посадники в Ладоге продолжают регулярно упоминаться вплоть до конца XIII в. (6672, 6736, 6765, 6788, 6798 гг.), а в Торжке дважды в пределах XIII в. (6723, 6746 гг.). Связь же псковского посадничества XIV в. с Новгородом остается неясной.

военных походах¹⁸. Указанные обстоятельства, а также обозначение псковичей в качестве «братья» новгородцев говорят о новом этапе новгородско-псковских отношений — как взаимоотношений двух политических субъектов.

Поэтому представляется, что «братство» уже с этого времени стало отражать особое положение Пскова, пребывающего с Новгородом в некоем политическом (и, конечно, церковном) единстве, а также обладающего субъектностью большей, чем остальные связанные с новгородцами города (вроде Торжка или Ладоги). И тем не менее, несмотря на апелляцию к «братству» — к категории, связанной с представлениями о родстве и равенстве, о каком-либо реальном равенстве сторон, конечно, говорить не приходится: разрешение конфликта военным образом или с помощью примирения целиком зависело от воли новгородцев.

Обращение новгородских летописцев к понятию «братства» (как «внутреннего» новгородского, так и новгородско-псковского) в течение XII в. было весьма редким. Резкая же интенсификация использования этого понятия происходит при новгородском архиепископе Антонии, с деятельностью летописца которого А. А. Гиппиус связывает текст НПЛ за 1209–1226 гг.¹⁹ Как известно, с именем Антония связано также регулярное обращение летописи к теме патроната святой Софии над Новгородом²⁰.

Что касается «братства», то можно обратить внимание, что в НПЛ начиная с 1214 г. оно упоминается с исключительной частотностью: чуть ли не в каждой второй годовой статье²¹. Несмотря на то что Антоний оставил кафедру в 1228 г., «братство» регулярно встречается в НПЛ вплоть до 1230 г. Но почти все эти упоминания касаются «братья-новгородцев», а не псковичей. После 1137 г. новгородско-псковское «братство» снова появляется в известии НПЛ за 1228 г., где рассказывается о новом конфликте между Новгородом и Псковом.

Тогда новгородский князь Ярослав Всеволодович привел под Новгород «пълки ис Переяславля» для совместного с новгородцами и псковичами

¹⁸ С середины XII в. совместные походы псковичей и новгородцев начинают упоминаться не только в НПЛ (6676, 6699, 6706), но и в независимой Ипатьевской летописи (см.: 6656, 6667). За предшествующий период есть только два известия о совместных походах, которые требуют отдельного рассмотрения: сообщение ПВЛ (по Ипат.) за 1116 гг. и сомнительное известие НПЛ мл. за 1060 г. (вопрос подлинности известия 1060 г. НПЛ мл. рассматривался Т. В. Гимомом: *Гимон Т. В.* События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // Древнейшие государства Восточной Европы, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 2012. С. 649).

¹⁹ *Гиппиус А. А.* Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни...: Памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009. С. 186.

²⁰ Там же. С. 181.

²¹ Ср. известия НПЛ: 6722, 6723, 6724, 6726, 6728, 6732, 6736, 6738.

похода на Ригу. Псковичи, не пустившие накануне к себе Ярослава, услышав про его полки под Новгородом, «убоявшеся того, взяша миръ с рижаны, Новгородъ выложивъше». В речи псковича Гречина, прибывшего в Новгород объясняться перед новгородцами и князем за самостоятельно заключенный псковичами с немцами мир, упоминаются две «братьи» псковичей: новгородская («тобе ся, княже, кланяемъ и братьи новгородцеъмъ») и псковская («нашю братью избиша на озѣрѣ», «братьи свои не выдаемъ»). Слово «братья», таким образом, одновременно используется и как способ обращения вовне, и как способ самоназвания уже и для самих псковичей (о чем будет дополнительно сказано ниже).

Заключение мира с Ригой подается псковским посланником как вынужденная мера, потому как участие псковичей в походе могло бы привести к ответному походу немцев на Псков («то вы лучше насъ исѣчите, а жены и дѣти поемлете собе, а не лучше погани»). Важно, что в статье 1228 г., как и в известии 1137 г., снова проявляется примирительная сторона «братства»: в результате новгородцы не только не стали наказывать псковичей за самостоятельно заключенный с Ригой мир, но и сами отказались от организованного Ярославом Всеволодовичем похода на Ригу, апеллируя к новгородско-псковскому «братству»: «мы бе- своя братья бес плъсковиць не имаемся на Ригу»²². Из текста следует, что заключение псковско-рижского мира вовсе не нарушало «братства» псковичей и новгородцев, а его упоминание, как и в предыдущий раз, было связано с попыткой разрешить возникший между новгородцами и псковичами конфликт. В это время «братство», по-видимому, отражало представления о невозможности прямых военных конфликтов между двумя городами.

Несмотря на то что после 1230 г. новгородские летописцы уже не обращались к понятию «братства» столь часто, как при архиепископе Антонии, с XIII в. само упоминание «братьи-новгородцев» становится характерной чертой новгородских документальных источников. Слова «а въ Немецькомъ дворѣ тобе торговати нашею братиею» стали частью формуляра договоров Новгорода с тверскими князьями²³. В посланиях Новгорода немецким городам новгородцы регулярно указываются как «наша братья», в то время как немецкие горожане обозначаются как «ваша братья»²⁴. В грамоте 1421 г. Новгорода в Юрьев (Дерпт) новгородцы сообщают, как «наши братья (*vnse brodere*) поехали в Ревель, а ваши братья, немцы, захватили наших на Неве и увезли их за море с их товаром, и наши братья сидят у вас в ваших городах, в Любеке, в Висмаре

²² ПСРЛ. Т. 3. С. 66. В НПЛ мл.: «мы безъ своеи братьи плесковиць не имаемся ити на Ригу» (Там же. С. 272).

²³ См. грамоты ГВНП (2-е изд.): № 81, 85, 86, 88, 89, 93, 100.

²⁴ См. грамоты ГВНП (2-е изд.): № 2, 6, 19, 26, 34, 39, 36, 45, 50, 51, 57, 59.

и в других местах»²⁵. Примечательна договорная формула, которая известна, в частности, по новгородско-ганзейским грамотам²⁶: «новгородцу блюсти немца, как своего брата новгородца, а немцу блюсти новгородца, как своего брата немца»²⁷.

Новгородская «братья» регулярно упоминается не только в древнерусских источниках, но и в немецких: как в посланиях, адресованных к самим немцам, так и к новгородцам. Целый ряд подобных примеров, в частности, можно обнаружить в недавно опубликованных и переведенных на русский язык ганзейских документах 1392–1409 гг.²⁸ Понятие «братства», таким образом, было неотъемлемой частью новгородского политического языка.

Но какое место понятие «братства» занимало в псковском политическом языке? В псковских летописях упоминание «братства» псковичей безотносительно к новгородцам является большой редкостью, что заметно отличает язык псковских источников от новгородских. В немногочисленных грамотах Пскова есть примеры, когда слова «братия» и «брат» используются для указания на городскую общность, но, как правило, именно на общность получающей стороны, а не самого Пскова, что заметно отличает язык псковских грамот от языка новгородских.

Например, послание Пскова второй половины XIII – начала XIV в. «к ратьманом в Ригу и к всем рижаном» завершается требованием о выдаче некоего должника Нездильца: «...или не выдадите Нездильца поручнику, то мы исправим в Пльскове *на вашей братии* (курсив мой. – Г. Ф.), а вам поведеаем»²⁹. В другой, более поздней псковской грамоте 1463–1465 гг., адресованной к «суседом нашим, посадником рижким и ратманом рижким», говорится о жалобе на рижанина, «на вашего брата на Иволта»³⁰, тогда как сами псковичи в этих документах «братьями» не называются. Известен только один пример псковской грамоты, где упоминается собственно «брат псковитинъ», но относится она уже к первой четверти XV в.: послание Пскова Ревелю 1417–1420 гг.³¹ Возможно, появление «брата псковитина» в этой грамоте связано с происходившим в то время процессом проникновения новгородской политической лексики

²⁵ ГВНП (2-е изд.). С. 146.

²⁶ В литературе отмечается, что средненижнемецкие документы испытали влияние новгородского словоупотребления, связанного с понятием «братства». Как пишет Е. Р. Сквайрс, именно под влиянием древнерусского *братъ* средненижнемецкое *broder* приобрело значение «соотечественник, согражданин» (Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. С. 253, 266).

²⁷ ГВНП (2-е изд.). С. 157.

²⁸ См. документы ГДИНП 1392–1409: № 3, 18, 20, 21, 24, 27, 28, 48, 59.

²⁹ ГВНП (2-е изд.). С. 527.

³⁰ Там же. С. 538.

³¹ Там же. С. 535.

в псковские источники в XV в., что, в частности, отразилось в заимствовании псковичами «новгородской вечевой терминологии»³².

Что касается псковских летописей, то обозначения в них самих псковичей в качестве «братьев» (или «братьи») встречаются всего три раза и хронологически ограничивается первой половиной XIV в., не упоминаясь позднее: два раза в речах князей Довмонта и Александра Михайловича и один раз, когда псковичи обращаются сами к себе (в известии П1 и П3 за 1343 г.).

Первое упоминание «братьи-псковичей» (по летописной хронологии) читается в речи князя Довмонта из «Сказания о Довмонте», обращенной к псковичам перед военным походом в Литву. «Сказание» дошло в составе всех трех псковских летописей и помещено в разных списках под 1265–1266 гг.³³, тогда как само сочинение было создано, по-видимому, не ранее второй четверти³⁴ – середины XIV в.³⁵

П1 (Архивский 1 список) ³⁶	П2 ³⁷
...Домантъ же рече псковичам:	...И паки рече:
братиа мужи псковичи, кто старъ то отецъ, а хто млад то брат, слышалъ есмь мужество ваше всѣх странах; иже, братья, предлежит нам живот и смерть; братиа мужи псковичи, потягните за святую Троицу и за святыя церкви и за свое отечество	братъе мужи псковичи, кто старъ то отецъ, а кто млад то ми брат, слышалъ есми мужество ваше въ всех странах; се же вамъ предложить живот и смерть; братие моя, потягнетъ за домъ святыя Троица и за святыя церкви, за свое отечество

Если Псковская I летопись (П1) и Псковская III летопись (П3) передают близкий друг к другу текст³⁸, то речь Довмонта в Псковской II летописи (П2) отличается наличием притяжательных местоимений по отношению к «братьям» псковичам (ср.: «кто млад то ми брат», «братие моя»), чем особенно подчеркивается «братство» не самих псковичей, а именно их «братство» с Довмонтом.

Текстуально связанным с речью Довмонта оказывается второй случай упоминания «братьев псковичей» в псковских летописях, в известии П1

³² Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. СПб., 2019. С. 229.

³³ Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты. СПб., 2007. Т. 1: Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонта. С. 364.

³⁴ Там же. С. 394.

³⁵ Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken: Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.–15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975. S. 167.

³⁶ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 15.

³⁷ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 17.

³⁸ Там же. С. 84.

и ПЗ за 1343 г.³⁹, где рассказывается о кровопролитной битве между псковичами и ливонцами неподалеку от Нейгаузена. П1 и ПЗ приводят речь псковичей, обращенную к самим себе перед битвой. Текст этой речи во многом совпадает в приведенными выше словами Довмонта:

ПЗ ⁴⁰	ПЗ ⁴¹
Домонт же рече псковичемъ:	И сташе псковичи боеви, помолившися святой великой Троици и Всѣволожи молитвѣ и Тимофеевѣ, и взяше прощение промежи себѣ и ркоша:
братѣ мужи псковичи, кто старѣ то отецъ, а кто млад тои братѣ; слышалъ есмь мужество ваше во всѣх странах;	братѣ мужи псковичи, не посоромимъ отецъ своих и дѣдовъ, кто старѣ то отецъ, а кто млад то братѣ;
се же братѣ намъ предлежитъ животь и смерть; братѣ мужи псковичи, потягнѣте за святую Троицу и за святѣя церкви, за свое отечество	се же, братѣ, предлежитъ намъ животь и смерть, потягнемъ за святую Троицу и за святѣя церкви, за свое отечество.

Подобное совпадение есть и в П1 (в которой читается схожий с ПЗ текст). Как считает В. И. Охотникова, наряду с прочим это сходство говорит о зависимости известия 1343 г. от «Сказания о Довмонте»⁴². При этом в известии П2 1343 г. речь псковичей не приводится вовсе. Другое упоминание «братьи-псковичей», но уже не связанное текстуально с приведенными выше известиями, читается в П1 и ПЗ под 1329 г.⁴³, когда бывший великий и тверской князь Александр Михайлович, вынужденный покинуть Псков, обратился к псковичам со словами: «братия моя и друзи мои, не буди на вас проклятие ни отлучение мене ради; поеду из града вашего, не буди вашего целования на мнѣ, ни моего на васъ»⁴⁴. Речь идет об угрозе церковного интердикта, на который московский князь Иван Данилович «намоли митрополита Феогнаста». Здесь, как и в приведенных выше примерах, слово «братья» снова оказывается частью прямой речи и используется исключительно в качестве способа обращения

³⁹ В П1 известие ошибочно помещено под 1230 (6738) г. (ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 11).

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 83–84.

⁴¹ Там же. С. 97.

⁴² Охотникова В. И. Псковская агнография XIV–XVII вв.... С. 393.

⁴³ В варианте рассказа П2 отсутствуют прямые речи князя и псковичей.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 17; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 91.

к горожанам в трудную минуту⁴⁵. Примечательно, что в этом же рассказе ПЗ приводятся слова князя Александра Михайловича, сказанные им в Твери перед восстанием 1327 г., где «братьей» оказываются уже сами тверичи: «братъа мужи тферици, уповаемъ на милость Божию...»⁴⁶.

Стоит отметить, что обращение «братья» к горожанам в прямой речи князей регулярно встречается и в не связанных с Новгородом и Псковом летописях. Подобное употребление слова «братья», как и в рассмотренных выше известиях, характерно именно для тех случаев, где князья обращаются к горожанам за помощью в трудную минуту. Например, в Ипат. под 1148(49) г.⁴⁷ рассказывается, как Изяслав Мстиславич, собрав новгородцев и псковичей на вече в Новгороде для организации совместного похода на Суздальскую землю, начал свою речь со слов: «се, брате, сынъ (Ярослав. — Г. Ф.) мои...»⁴⁸. В еще одном известии Ипат. за 1150 г. Изяслав тщетно пытается заручиться поддержкой киевлян, говоря: «луче, братъе, измрѣмъ сде, нежели сесь соромъ възмемъ на ся»⁴⁹. Другой яркий, но более поздний пример — рассказ летописей Новгородско-Софийской группы о битве под Липицей (1216 г.), основанный на соответствующей статье НПЛ, но существенно ее расширивший⁵⁰, в том числе за счет добавления княжеских речей. В этом рассказе призыв Мстислава Мстиславича к новгородцам не отвлекаться на обоз («товары») во время битвы начинается со слов: «Братья новгородьци! Не стоите к товару, прилежите боеви...»⁵¹. Обращенная к владимирцам речь князя Юрия Всеволодовича, бежавшего во Владимир после поражения, начинается схожим образом: «Братья володимерци, затворимся въ градъ, негли отбьемся их...»⁵². Будучи частью прямой речи и способом обращения, в этих случаях слово «братья» подчеркивает не столько политическую общность горожан, сколько их особую («братскую») связь с князем, актуализирующуюся в конкретных политических или военных обстоятельствах. Как и в случае с рассмотренными выше упоминаниями «братьи-псковичей», подобные обращения «братия» к горожанам выполняют важную риторическую функцию сплочения и мобилизации военных сил.

⁴⁵ Обращение Александра Михайловича к псковичам со словами «братия и друзи мои» передается с некоторыми отличиями и в летописях Новгородско-Софийской группы (НСГ): ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. 263; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 403; ПСРЛ. Т. 42. С. 125. Вариант известия в НСГ представляет собой схожий с П1 и ПЗ текст, но разбитый хронологически и дополненный фрагментами из НПЛ (*Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken... S. 155*).

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 90.

⁴⁷ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 232.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 370.

⁴⁹ Там же. Стб. 401.

⁵⁰ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 110–111.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 270 (ср: ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. 193; ПСРЛ. Т. 42. С. 109).

⁵² Там же. Стб. 271 (ср: ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. 194; ПСРЛ. Т. 42. С. 110).

Можно заметить, что в псковских летописях «братья псковичи» вне прямых речей не упоминаются. Однако важнее то, что после первой половины XIV в. в псковском летописании слово «братия» уже не будет использоваться применительно к псковичам. Все это позволяет предположить, что эти три упоминания «братьи-псковичей» в псковских летописях были частью распространенных в древнерусском летописании риторических конструкций, а не важной составляющей политического языка Пскова, наподобие того, как это было в Новгороде.

В связи с этим возникает вопрос: насколько известие НПЛ 1228 г., в котором пскович Гречин неоднократно говорит о псковской «братии», действительно отражает политический язык Пскова? Учитывая приведенные выше наблюдения над языком псковских летописей, а также то обстоятельство, что само известие 1228 г. приходится на тот участок НПЛ, в котором новгородские летописцы обращались к теме «братства» с исключительной частотностью, слова Гречина выглядят скорее навязыванием летописцем новгородского политического языка псковичам, чем отражением их собственной лексики в тексте НПЛ. Это позволяет говорить о том, что для Пскова, в отличие от Новгорода, «братство» было понятием преимущественно «внешним», обращенным к внешнему миру, а не «внутренним», относящимся к самим псковичам. Поэтому вряд ли можно согласиться с исследователями, предполагающими, что в Пскове в первой трети XIII в. уже будто бы «сложился комплекс представлений, в рамках которого городское сообщество являло собой общность «братьи-псковичей»»⁵³.

Представляется неслучайным, что псковские летописцы обращались к понятию «братства» главным образом в контексте новгородско-псковских отношений. Возможное объяснение преобладания «внешнего» характера «братства» в псковских источниках заключается в том, что представления о «братстве» псковичи могли воспринять от рано сложившегося и более развитого политического языка Новгорода. В отличие от древней летописной традиции Новгорода, псковское летописание зарождается только в 1310-е гг.⁵⁴, что предопределило хронологическую неравномерность самых ранних упоминаний новгородско-псковского «братства».

Первое сообщение псковских летописей, где новгородцы называются «братей», относится к 1342 г.⁵⁵ и открывает новую, неизвестную до

⁵³ Городилин С. В., Лукин П. В., Полехов С. В. Псковская земля // История России. Т. 3. Государства и народы на территории России в XIII – начале XVI в.: На пути к единому Русскому государству. М., 2025. С. 279.

⁵⁴ Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ПСРЛ. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 38–39.

⁵⁵ Речь идет об известиях, помещенных в псковских летописях под 6849 (1341) г. В соответствии с хронологией НПЛ мл. и НСГ, описываемые в этих известиях события следует отнести к 6850 (1342) г. (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 345).

того новгородскому летописанию сторону «братства», связанную с темой военной взаимопомощи: псковичи, жалуясь на отсутствие военной помощи со стороны Новгорода, обратились за помощью к витебскому князю Ольгерду. Рассказ об этих событиях в псковских летописях во многом текстуально совпадает с рассказом летописей Новгородско-Софийской группы (НСГ)⁵⁶, так как тексты в обоих случаях восходят к одному и тому же псковскому⁵⁷ источнику и вместе имеют некоторые дополнительные чтения по отношению друг к другу⁵⁸. Эти известия – единственные, которые в псковских и новгородских летописях имеют синхронное упоминание «братства» новгородцев и псковичей. Вместе с тем версия НСГ включает в себя вторичные чтения из НПЛ мл. и отредактирована в соответствии с трактовкой событий, изложенной в НПЛ мл., где приглашение псковичами к себе литовцев однозначно осуждается летописцем: «предашася плесковици Литвѣ, отвергъшеся Новаграда и великаго князя»⁵⁹.

Обстоятельства, описанные в этих статьях, также различаются: согласно псковским летописям, необходимость обращения за помощью была вызвана возникшим конфликтом между псковичами и их князем Александром Всеволодовичем, который, учинив «разратие с нѣмцы», покинул Псков, так и не вняв просьбам псковичам вернуться⁶⁰, тогда как НПЛ мл. сообщает, что псковичи-де сами «выпровадили бяху» князя⁶¹.

Последующее же приглашение Ольгерда мотивируется в псковских летописях отсутствием помощи со стороны Новгорода («новгородцы не даша псковичемъ намѣстника ни помощи»), в то время как в НПЛ мл. новгородцы, напротив, «не умедляще ни мала, поѣхаша вборзѣ» помогать псковичам, которые тем не менее странным образом сами отказались от помощи. В результате соединения двух противоречивых версий в НСГ отправка послов к Ольгерду выглядит совсем необоснованной, из-за чего в позднем новгородском летописании известие об этих событиях было озаглавлено так: «О пьсковичахъ лъживыхъ»⁶². Псковские летописи и НСГ приводят слова псковских послов, с которыми они обратились к Ольгерду:

⁵⁶ В НСГ входят текстуально связанные друг с другом Софийская I (C1), Новгородская Карамзинская (две ее подборки: НК1 и НК2) и Новгородская IV летописи (Н4Л).

⁵⁷ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 100; Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken... S. 155–157.

⁵⁸ По мнению Н. Г. Бережкова, «последовательность сообщений правильно изображена в Псковской I летописи» (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 297).

⁵⁹ Ср.: ПСРЛ. Т. 3. С. 354; ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. 272; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 415.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 18; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 24, 93.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 354.

⁶² ПСРЛ. Т. 44. С. 36.

П1 ⁶³	П2 ⁶⁴	Н4Л ⁶⁵
И по томъ псковичи, нагадавшеся, послаша послове в Витебско ко князю Ольгерду помощи прошати, ркущи тако:	И по томъ псковичи, думавше много, послаша пословъ своих в Витебско къ князю Ольгерду, глаголюще:	И плесковици отвѣргъше Новагорода и великаго князя рускаго, и послаша послы въ Видбескъ къ Ольгерду Гедиминовичю, князю Литовскому, помочи прошать, а на Новгородъ лжу въскладываа:
братия наша новгородцы нас повергли, не помагають намъ; и ты, господине, князь великий Ольгерде, помози нам в сие время	братия наша новгородцы не помагають намъ, и зли быша на ны; помози намъ, господине, в сие время	братья наши новгородцы не помагають намъ; помози намъ, господине, в се время

В отличие от НСГ, псковские летописи подчеркивают плохое отношение новгородцев к псковичам: новгородцы либо «зли быша» на псковичей, либо «повергли» их (то есть покинули или оставили⁶⁶). Помещение известия в различный контекст позволяет по-разному посмотреть на упоминание псковичами «братья-новгородцев» в своей речи. Во всех случаях летописцам удастся риторически подчеркнуть несоответствие псковичей или новгородцев их «братскому» статусу: в псковских летописях новгородцы не помогают Пскову, а в НСГ псковичи, напротив, лгут Ольгерду про Новгород.

Можно заметить разницу между тем, как к «братству» Новгорода и Пскова обращались новгородские летописцы в XII и XIII в. и как к нему стали обращаться летописцы в указанных известиях: здесь «братство» уже не примиряет псковичей и новгородцев (как в 1137 и 1228 гг.), а, наоборот, усугубляет положение одних «братьев» в глазах других, дополнительно усиливая разногласия: с XIV в. «братство» становится основанием для взаимных упреков и обвинений.

С этого времени упоминание новгородско-псковского «братства» будет преимущественно связываться с темой взаимопомощи. Это говорит о том, что быть «братьями» означало не только жить в мире, но и помогать друг другу. В упомянутых выше известиях псковских летописей за 1343 г. рассказывается, как после битвы под Нейгаузенем в Псков пришел слух (позднее не подтвердившийся) о поражении псковского войска, из-за чего было решено отправить гонцом в Новгород попа Фому со словами, где новгород-

⁶³ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 18.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 24.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. 272.

⁶⁶ СДРЯ. Т. 6. С. 221,474.

цы названы «братией»: «псковичи вси побиты, новгородцы братия наша, поѣдите на борзѣ, загоните Псковъ перво нѣмецъ, оже нѣмцы загонятъ»⁶⁷.

При этом обязанность оказания военной помощи не была односторонней: со второй половины XII в. псковичи неоднократно принимали участие в военных походах новгородцев. В известиях Н4Л и НК2 за 1348 г. сообщается, как «братия-псковичи» отказались помогать новгородцам под Орешком против шведских войск. В этих же сообщениях упоминается так называемый «Болотовский договор», ставший впоследствии центральным сюжетом в историографии взаимоотношений Новгорода и Пскова.

Известно, что в 1348 г. псковичи отправились к новгородцам на помощь «ко Орѣшку городку»⁶⁸ защищать новгородские земли от нападения шведского короля Магнуса Эрикссона, который пытался, как сообщает НПЛ мл., «крестити въ свою вѣру» местное население⁶⁹. Прибытие псковичей в НПЛ мл. упоминается нейтрально, отмечается лишь малочисленность псковского войска: «вси новгородци и плесковиць немного и новоторжци и вся волость Новгородская поихаша в Ладогу». В рассказе НПЛ мл. великий князь Семен Иванович и его брат Иван Иванович обвиняются в том, что они так и не пришли на помощь. Однако в Н4Л и НК2 в неокказании помощи обвиняются уже не только московские князья, но и псковичи. Согласно этим летописям, прибывшие на помощь псковичи через некоторое время со словами «не хотимъ стояти долго, но идемъ прочь»⁷⁰ решили покинуть новгородцев, которые в ответ обвинили их в неблагодарности за некое «жалование» (текст которого тут же приводится), в историографии традиционно именуемое «Болотовским договором»⁷¹. Это «жалование» давало псковичам право на собственный суд без участия Новгорода, а также ограничивало prerogatives новгородского владыки в Пскове.

Согласно же псковским летописям, из-за того, что псковское войско в это время «бѣаше оу Ворешка (Орешка. — Г. Ф.)», оставшихся в Пскове сил не хватило на отражение целого ряда нападений уже на псковские земли из Ливонии⁷², однако про отъезд псковских войск от Орешка, а также про ка-

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 11–12; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 26, 98.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 12.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 359–360.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. 278; ПСРЛ. Т. 42. С. 128.

⁷¹ Традиционное обозначение этого документа в качестве «договора» или «докончания» было подвергнуто критике в работе Т. В. Кругловой, посвященной формулярному анализу «Болотовского договора». Исследовательница показала, что «Болотовский» документ стоит рассматривать не как договорную грамоту, а как жалованную, которую новгородцы дали псковича (Круглова Т. В. «Болотовский договор»: тип утраченного акта с точки зрения дипломатики // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. СПб., 2011. С. 34–50).

⁷² ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 26, 98.

кой-либо конфликт с Новгородом ничего не сообщается. Существует еще одна короткая версия рассказа об этих событиях, помещенная в Софийской I летописи (С1), в которой о каком-либо конфликте новгородцев с псковичами не упоминается, зато приводится текст «Болотовского жалования». Таким образом, внутри НСГ существует две версии рассказа о событиях 1348 г. Эти версии, вслед за Т. В. Кругловой, можно разделить на «новгородскую» (НК2 и Н4Л) и «московскую» (С1)⁷³, вошедшую позднее в официальное московское летописание конца XV в.⁷⁴ При этом, в отличие от НСГ, ни псковские летописи, ни НПЛ мл. о «жаловании» ничего не сообщают.

НК2 ⁷⁵	Н4Л ⁷⁶	С1 ⁷⁷
...А плъсковичи рѣша новгородцем: «Не хотимъ стоати долго, но идемъ прочь».	...И плесковици рѣша новгородцѣмъ: «не хотимъ стояти долго, но идемъ прочь».	
Рѣша же новгородци: «Братѣе, топерво мы вамъ дали жалобу на Болотовѣ,	Рѣша же новгородци: «Братѣе плесковици! топерво мы вамъ дали жалобу на Болотови:	Того же лѣта, коли идучи новгородьци к Орѣховцю, даша жалование городу Пскову,
посадникомъ нашимъ у васъ въ Пльсковѣ не быти, ни судити,	посадникомъ нашимъ у васъ въ Плесковѣ не быти ни судити,	посадникомъ новгородскимъ въ Пьсковѣ ни сидѣти, ни судити,
а от владыцѣ судити вашему брату плъсковитину,	а [о] владыцѣ судити вашему плесковитину,	а от владыкы судити их брату пьсковитину,
а из Новаграда вас не позывати дворяны, ни подвоискими, ни софьяны, ни извѣтники, ни биричи,	а из Новагорода васъ не позывати дворяны, ни подвоискими, ни софьяны, ни извѣтники, ни бѣрѣчи;	а от Новагорода их не позывати ни дворяны, ни подвоискими, ни софьяны, ни извѣтники, ни биричи,
но борзо ести забыли наше жалование, а нынече хотите ехати; поедите в ночь, а поганымъ похвалы не давайте, а намъ нечести».	но борзо есте забыли наше жалование, а нынѣ хотите поѣхати; поидите в ночь, а поганымъ похвалы не дайте, а намъ нечести».	но назваша братомъ моллодшимъ Новугороду Пьсковъ.

⁷³ Круглова Т. В. «Болотовский договор»... С. 34–35.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 177.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 42. С. 128.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 278.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 422.

НК2 и, вероятно, зависимый⁷⁸ от нее текст Н4Л передают известие в целом схожим образом, тогда как вариант С1 совпадает (с некоторыми отличиями) с НК2 и Н4Л только в той части, где излагаются, собственно, сами условия новгородского «жалования» (начиная с фразы «посадникомъ...» и заканчивая словами «ни биричи»)⁷⁹.

Основные отличия С1 и НК2/Н4Л в диспозитивной части «жалования» касаются личных местоимений. В «новгородской» версии используются притяжательные местоимения, а текст документа передается от лица самих новгородцев (ср.: «посадникомъ нашимъ...»), тогда как «московская» версия излагает договор со стороны (ср.: «посадникомъ новгородскимъ...»). В «новгородской» версии по отношению к псковичам используется 2-е лицо множественного числа («а от владыцѣ судити вашему брату пльсковитину»), а в «московской» 3-е («а от владыкы судити их брату пьсковитину»). При этом в редакции С1 неясно, кому именно приходится «братом» упомянутый «пльсковитин»: новгородцам или псковичам? НК2, в свою очередь, дает однозначное чтение, где местоимение «вашему» относится именно к самим псковичам, чем подчеркивается «братская» общность самого Пскова⁸⁰: «а от владыцѣ судити вашему (т. е. псковскому. – Г. Ф.) брату пльсковитину». Такое использование понятия «братства», как указывалось выше, характерно именно для новгородского политического языка. Все это говорит о том, что текст не дошедшего до нас «жалования» подвергся в С1 заметной редактуре, в ходе которой для встраивания в летописное повествование была заменена исходная точка зрения документа. Указанные разночтения делают версию НК2 более предпочтительной.

В «новгородской» версии известия 1348 г. слово «братья» также оказывается частью прямой речи и вновь используется в контексте возникших противоречий в качестве способа обращения («братье плесковици!...»). Можно заметить, что помимо осуждения псковичей в неказании помощи новгородцы обвиняют свою «братью» еще и в неблагодарности – новый мотив «братских» претензий.

В «московской» же версии цитирование прямой речи отсутствует, зато Псков *впервые* называется «братом младшим» Новгорода. Это словосочетание стало ядром историографических представлений о вертикальном или вассально-сеньориальном характере новгородско-псковских от-

⁷⁸ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2000. С. 168.

⁷⁹ Стоит отметить, что версия рассказа о событиях 1348 г. в С1 в целом отличается краткостью и содержательно не совпадает ни с текстом НК2, ни с текстом Н4Л. Поэтому вряд ли можно говорить именно о «сокращенном» тексте С1 по отношению к НК2 и Н4Л (Городилин С. В., Лукин П. В., Полехов С. В. Псковская земля... С. 293).

⁸⁰ В Н4Л слово «брату» опущено.

ношений, что обусловлено предположением, будто фраза С1 «но назваша братомъ младшимъ Новугороду Псковъ» является заключительной частью текста договора⁸¹, что, однако, совершенно неочевидно. Во-первых, неясно, почему именно эта часть «жалования» не попала в «новгородскую» версию, хотя в остальном тексты почти полностью совпадают? Во-вторых, слова «но назваша...» и «даша жалование», предваряющие и завершающие текст «жалования», имеют одинаковую форму глагола – аорист, тогда как сами условия документа излагаются в инфинитивной форме. Поэтому слова «но назваша братомъ младшимъ...» следует понимать не как продолжение текста договора, а как возвращение летописца из инфинитивного дополнения к повествованию, ведущемуся в аористе.

Особенность самой формулы «молодший брат» также заключается в том, что она является гапаксом⁸² С1 для XIV – первой половины XV вв. Следующее упоминание младшего положения псковичей по отношению к своим «братьям» новгородцам относится только к 1397 г. (НПЛ мл.), а использование слова «брат» в *единственном числе* по отношению к Пскову (или Новгороду) останется неизвестным источникам вплоть до середины XV в. – до того использовалась только собирательная форма («наша братья»), либо форма множественного числа («наши братья»), указывающая не на город в целом, а именно на общность его горожан: новгородцев или псковичей. Такое отсутствие упоминаний «брата Пскова» или «брата Новгорода» вряд ли можно называть случайным (учитывая, что следующее подобное упоминание отстоит от 1348 г. почти на столетие!)⁸³.

Думается, что, будучи составлена в первой половине XV в., С1 вполне могла привнести в известия середины XIV в. анахронизмы, характерные уже для более позднего времени. Не исключено, что здесь также могла найти отражение та особенность редакторской манеры составителя С1, для которой характерна систематическая модернизация социально-поли-

⁸¹ Колотилова С. И. К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики // История СССР. 1975. № 2. С. 152; Янин В. Л. «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XIV веках // Отечественная история. 1992. № 6. С. 3; Еременко А. В. Болотовский договор и его значение // Опыт по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. СПб., 2003. Вып. 3. С. 38.

⁸² На это обстоятельство впервые обратил внимание А. В. Валеров (Валеров А. В. Новгород и Псков: очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004. С. 267).

⁸³ Своего рода исключением является разве что известие П2 за 1407 г., где собирательная форма «братья» используется по отношению к топониму: «бысть псковичемъ тогда многы скорби и бѣды [...] от своєя братья от Новагорода» (ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 34). Но это упоминание можно назвать переходной формой, поскольку позднее топонимы *Великий Новгород* и *Псков* будут упоминаться исключительно рядом с формой «брат» единственного числа.

тической лексики: замена «посадников» на «наместников», «поклона» на «челобитье», а также регулярное добавление княжеской титулатуры⁸⁴.

При этом сомнительность упоминания братской иерархии в версии С1 вовсе не значит, что в отношениях между Новгородом и Псковом следует предполагать равенство. Условия «Болотовского договора» вовсе не двусторонние (договорные), а односторонние – новгородцы *дают* псковичам «жалование», что, конечно, говорит о более высоком статусе Новгорода по отношению к Пскову.

Слова С1 о том, что новгородцы «назваша братомъ младшимъ Новугороду Псковъ», чужды политическому языку середины XIV века и являются анахронизмом. Они не связаны с содержанием статей «Болотовского жалования» и к тому же представляют собой индивидуальное чтение С1. В то время новгородско-псковское «братство» понимали не как иерархию двух городов-«братьев» – Новгорода и Пскова, – а как общность горожан, новгородцев и псковичей. Кроме того, обозначение города словом «брат» в единственном числе чуждо политическому языку середины XIV в.

Возникновение взаимных «братских» обозначений в единственном числе («брат старейший Великий Новгород» – «брат младший Псков»), вероятно, стоит связывать с определенными процессами в древнерусском политическом языке конца XIV – первой половины XV вв., когда происходит то, что Б. А. Успенский назвал «антропоморфизацией» города⁸⁵, то есть процессом символического уподобления города человеку. Ярким примером этого служит формула, впервые упомянутая в «Нибуровом мире» 1392 г.: «весь господин Великий Новгород»⁸⁶ (расширенная во второй половине XV в. до сочетания «весь господин господарь Великий Новгород»)⁸⁷. Представляется, что «антропоморфизирующее» словосочетание «брат младший» вряд ли могло появиться раньше персонифицированных формул «господина Великого Новгорода».

Кроме того, предположение о включении словосочетания «брат младший» в текст «Болотовского» документа явно преувеличивает степень возможной формализованности «братства» для новгородско-псковских отношений в это время⁸⁸. Например, формула «братского» единства «[быти]

⁸⁴ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 72–73; Накадзава А. К вопросу об одной особенности редактирования Софийской первой летописи // О древней и новой русской литературе. СПб., 2005. С. 51–61

⁸⁵ Успенский Б. А. «Господарь Великий Новгород»: происхождение названия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2021. № 3 (85). С. 24.

⁸⁶ ГВНП (2-е изд.). С. 93. См. также грамоты ГВНП (2-е изд.): № 26, 48, 49, 58, 257, 306.

⁸⁷ Там же. С. 353–354, 497.

⁸⁸ Необходимо также учитывать то, что «Болотовское жалование» – старейший текст документа, в котором каким-то образом определялись бы взаимоотношения двух городов,

за одинъ брат въ крестиянствѣ» впервые упоминается только в 1397 г. и при этом является частью прямой речи архиепископа Иоанна, а не частью какого-то новгородско-псковского договора⁸⁹.

Как видно из рассмотренных выше известий, «братство» Новгорода и Пскова пока еще не обрело даже каких-то устойчивых формул, не говоря уже об упоминаниях его в актах, определяющих отношения между городами. На самом деле представления о «братстве» новгородцев и псковичей сложились задолго до появления каких-либо письменных договоров между городами. Представляется неслучайным, что «братство» не было упомянуто и в единственном сохранившемся фрагменте договорной грамоты Новгорода и Пскова – в Солецком мире 1390 г.⁹⁰ Представляется, что сама возможность установления «братства» между Новгородом и Псковом через какой-либо договор или жалование выглядит маловероятной.

О том, что «братство» не имело в это время какого-то *формального* статуса, говорят известия НПЛ мл. за 1367 г., когда в условиях политического несогласия и нарушенного единства («по грѣхом нашимъ, не бѣше пословици»⁹¹ псковичамъ с Новымъгородом»⁹²) псковские земли подверглись нападению со стороны Ливонии и псковичи отправили послов в Новгород «с поклономъ и с жалобою: “господо братье, како печалуетесь нами, своею братьею”», а получили отказ в помощи, так как, согласно летописи, «бѣше не розвержено крестное цѣлование Новугороду с нѣмци»⁹³. В речи псковичей уважительное «господо» соседствует с упреком новгородцам в том, что они не «печалуются» о своих «братьях» (то есть не тревожатся и не заботятся о них)⁹⁴, что риторически подчеркивает несоответствие новгородцев их «братскому» статусу. Обстоятельства возникших до того разногласий в летописях не прояснены, но примечательно, что противоречия и несогласия не избавляли города от обязательств по взаимопомощи, почему летописец и завершает это известие в сочувственном

в то время как самый ранний сохранившийся фрагмент текста новгородско-псковского *договора* относится только к 1390 г. (т.н. Сольский мир). Поэтому «Болотовское жалование» важно тем, что оно отражает процесс формализации новгородско-псковских отношений в середине XIV в.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 388.

⁹⁰ «Кончаша миръ, за должникъ и за холопъ, и за робу, кто в путь ходилъ за Волгу, не стояти псковичемъ, но выдавати ихъ» (ср.: ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. 368; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 508; ПСРЛ. Т. 42. С. 160).

⁹¹ Слово *пословица* значит – «согласие», «соглашение» или «словесный договор» (Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. М., 1989. Т. 2. Ч. 2: П. Стб. 1236; Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1991. Вып. 17: (Помаранецъ – Потпшати). С. 184–185).

⁹² ПСРЛ. Т. 3. С. 369.

⁹³ Там же. С. 370.

⁹⁴ СДРЯ. Т. 6. С. 382.

псковичам тоне: «и за то (из-за мира с немцами. — Г. Ф.) не всѣдоша на борзѣ по псковичах на Нѣмечскую землю новгородци». Возможно, что в это время именно представления об особом «братстве» двух городов (а не формальные договоренности) определяли необходимость оказания военной помощи друг другу.

Таким образом, самые ранние упоминания «братства» новгородцев и псковичей относятся к известиям НПЛ за 1137 и 1228 гг., где оно выполняет главным образом примирительную функцию: апелляция к «братскому» статусу дважды позволила Новгороду и Пскову избежать перерастания конфликтов в военное противостояние. «Братство» уже в это время отражало определенный политический статус Пскова, неизвестный другим связанным с Новгородом городам. Несмотря на то что представления о «братстве» зародились задолго до появления каких-либо договорных грамот и актов, определявших отношения двух городов, «братство» с самых первых упоминаний накладывало определенные обязательства на обе стороны.

Если в XII–XIII вв. новгородско-псковское «братство» было своего рода идеальным понятием, обращение к которому примиряло города, то с XIV в. оно становится дополнительным фактором обид и основанием для взаимных упреков и обвинений: с этого времени обе «братьи» упрекают друг друга в неокказании помощи, а в случае известий НСГ 1348 г. — и в неблагодарности. При этом можно говорить об асимметричности бытования этого понятия. Появившись впервые на страницах новгородского летописания, «братство», по-видимому, было воспринято псковскими книжниками, но с некоторыми отличиями. Если для новгородских источников «братство» было одним из центральных понятий политического языка, которое указывало на «внутреннюю» новгородскую и, одновременно, на «внешнюю» новгородско-псковскую общность, то для Пскова — «братство» было связано с преимущественно «внешними» коннотациями, указывая именно на особую связь с Новгородом. При этом все рассмотренные случаи упоминания «братства» в летописях связаны исключительно с конфликтными ситуациями. По-видимому, состояние «братства» воспринималось как некая норма, нарушение которой осуждалось летописцами. Возникающие конфликты при этом не приводили к распаду «братства» — в летописях лишь констатируется несоответствие новгородцев или псковичей их взаимному «братскому» статусу.

В рассматриваемый в этой статье период «братская» иерархия была неизвестна источникам. Само по себе обращение летописцев к «братству» с самого начала подчеркивало субъектность и сравнительно высокий статус псковичей — в отличие от ладожан или новоторжцев, никогда не называвшихся «братьей» новгородцев. Однако отношения между Новгородом

и Псковом вряд ли можно назвать равными: во-первых, примирение как в 1137, так и в 1228 гг. целиком зависело от воли Новгорода, во-вторых, жалобы на отсутствие военной помощи исходят преимущественно от псковичей, в-третьих, «Болотовское жалование» было односторонним актом, а не двусторонним договором. Появление же упоминаний «братской» иерархии, форм единственного числа («брат младший» – «брат старейший»), как и проникновение новгородско-псковского «братства» в независимые от Новгорода и Пскова источники (включая документальные), относятся к более позднему периоду (конец XIV – середина XV вв.) и выходят за рамки настоящего исследования, требуя отдельного рассмотрения.

ИСТОЧНИКИ

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / сост. И. Ю. Анкудинов, Т. В. Круглова, П. В. Лукин, С. В. Полехов и др. М.: Издательский дом ЯСК, 2025. Т. 1.

Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова. 1392–1409 гг. / сост. подг., предисл. и коммент. П. В. Лукина, С. В. Полехова, Е. Р. Сквайрс. М.; СПб.: Нестор-История, 2021.

Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1.: XI–XII века.

Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись; М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 2: Ипатьевская летопись; М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов; М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись; М.: Языки славянской культуры, 2003. Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи; М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 5. Вып. 2: Псковские летописи; М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода; М.: Языки русской культуры, 2004. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века; СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2018. Т. 44: Летопись Авраамки; СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М.: Институт археологии РАН, 1994.

Валеров А. В. Новгород и Псков: очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб.: Алетейя, 2004.

Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.

Гимон Т. В. События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // Древнейшие государства Восточной Европы, 2010 год: Предпосылки и пути

образования Древнерусского государства / отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Российский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 584–703.

Гиппиус А. А. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни...: Памяти Александра Степановича Хорошева. М.: ООО «ЛеопАрт», 2009. С. 182–198.

Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.

Городилин С. В., Лукин П. В., Полехов С. В. Псковская земля // История России. Т. 3. Государства и народы на территории России в XIII – начале XVI в.: На пути к единому Русскому государству. М.: Наука, 2025. С. 276–296.

Еременко А. В. Болотовский договор и его значение // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Вып. 3. С. 30–42.

Ильинский Н. С. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания. Закрывающее в себе многие достойные любопытства происхождении. Составленное из многих древних летописцев, надписей, записок и Российской истории Николаем Ильинским. СПб.: Типография Б. Л. Гека, 1790. Ч. 1.

Колотилова С. И. К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики // История СССР, 1975. № 2. С. 145–152.

Круглова Т. В. «Болотовский договор»: тип утраченного акта с точки зрения дипломатики // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. Псков: Псковская областная типография, 2011. С. 34–50.

Лавренченко М. Л. «Братья» новгородцы – соседи или союзники? // Восточная Европа в древности и в средневековье. Античные и средневековые общности: XXIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашута. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2017. С. 124–127.

Лавренченко М. Л. Термины родства и договорные формулы в политике Рюриковичей XII–XV вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья. М.: Русский фонд содействия

Лукин П. В. Принцип единодушия в представлениях и политической практике Древней Руси // Образы прошлого: Сб. памяти А.Я. Гуревича. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 372–391.

Накадзава А. К вопросу об одной особенности редактирования Софийской первой летописи // О древней и новой русской литературе. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 51–61.

Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ПСРЛ. М.: Языки славянской культуры, 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 9–44.

Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. Т. 1: Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонта.

- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Азбуковник, 2000. Т. 6: (овадь – покласти).
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Азбуковник, 2019. Т. 12: (соу – съотъходнь).
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Русский язык, 1998. Т. 1: (а – възаконатиса).
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука. 1991. Вып. 17: (Помаранецъ – Потишати).
- Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. М.: Книга. 1989. Т. 2. Ч. 2: П.
- Успенский Б. А. «Господарь Великий Новгород»: происхождение названия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2021. № 3 (85). С. 24–44.
- Филошкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006.
- Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. 3: От покорения России Татарами до великого Князя Дмитрия Иоанновича Донского. СПб.: Императорская Академия наук, 1774.
- Янин В. Л. «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XIV веках // Отечественная история, 1992. № 6. С. 3–14.
- Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken: Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.–15. Jahrhundert // Schriften zur Geistesgeschichte des Östlichen Europa. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975. Bd. 10.
- Lukin P. V. Urban Community and Consensus: Brotherhood and Communalism in Medieval Novgorod // Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2016. Pp. 279–306.

REFERENCES

- Berezhkov N. G. The chronology of Russian chronicle writing. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1963. (In Russian)
- Bobrov A. G. The Novgorod chronicles of the 15th century. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2001. (In Russian)
- Burov V. A. Essays on the history and archaeology of medieval Novgorod. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 1994. (In Russian)
- Dictionary of the Old Russian language (11th–14th centuries). Moscow: Russky Yazyk, 1998. Vol. 1: (a – vzakonyatise). (In Russian)
- Dictionary of the Old Russian language (11th–14th centuries). Moscow: Azbu-kovnik, 2000. Vol. 6: (ovad – poklasti). (In Russian)
- Dictionary of the Old Russian language (11th–14th centuries). Moscow: Azbu-kovnik, 2019. Vol. 12: (sou – sotkhodin). (In Russian)
- Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries. Moscow: Nauka, 1991. No. 17: (Pomaranets – Potishati). (In Russian)
- Eremenko A. V. The Treaty of Bolotovo and its significance // Experiments in source studies. Old Russian literature: editor and text. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. No. 3. Pp. 30–42. (In Russian)

Filyushkin A. I. The titles of Russian sovereigns. Moscow; Saint Petersburg: Alyans-Arkheo, 2006. (In Russian)

Gimon T. V. Events of the 11th – early 12th century in Novgorod chronicles and lists // Melnikova E.A. (ed.). The earliest states of Eastern Europe, 2010: prerequisites and paths of formation of the Old Russian state. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2012. Pp. 584–703. (In Russian)

Gippius A. A. Archbishop Anthony, Novgorod chronicle writing and the cult of Saint Sophia // Good days...: in memory of Alexander Stepanovich Khoroshev. Moscow: LeopArt, 2009. Pp. 182–198. (In Russian)

Gippius A. A. On the history of the textual formation of the Novgorod First Chronicle // Novgorod historical collection. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 1997. No. 6 (16). Pp. 3–72. (In Russian)

Gorodilin S. V., Lukin P. V., Polekhov S. V. The Pskov land // History of Russia. Vol. 3. States and peoples on the territory of Russia in the 13th – early 16th century: on the way to a unified Russian state. Moscow: Nauka, 2025. Pp. 276–296. (In Russian)

Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken: Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.–15. Jahrhundert // Schriften zur Geistesgeschichte des Östlichen Europa. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975. Bd. 10.

Ilyinsky N. S. Historical description of the city of Pskov and its ancient suburbs from their very foundation. Containing many occurrences worthy of curiosity. Compiled from many ancient chroniclers, inscriptions, notes and Russian history by Nikolai Ilyinsky. Saint Petersburg: B. L. Gek Typography, 1790. Pt. 1. (In Russian)

Kolotilova S. I. On the position of Pskov within the Novgorod feudal republic // History of the USSR, 1975. No. 2. Pp. 145–152. (In Russian)

Kruglova T. V. “The Bolotov treaty”: a type of lost act from the point of view of diplomacy // Pskov, the Russian lands and Eastern Europe in the 15th–17th centuries. On the 500th anniversary of Pskov’s incorporation into the unified Russian state. Pskov: Pskov Regional Typography, 2011. Pp. 34–50. (In Russian)

Lavrenchenko M. L. “Brothers” Novgorodians – neighbors or allies? // Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Ancient and medieval communities: the 29th readings in memory of corresponding member of the USSR Academy of Sciences Vladimir Terentyevich Pashuto. Moscow: Institute of World History RAS, 2017. Pp. 124–127. (In Russian)

Lavrenchenko M. L. Kinship terms and treaty formulas in the politics of the Rurikids of the 12th–15th centuries // The earliest states of Eastern Europe. 2019–2020: diplomatic practices of antiquity and the Middle Ages. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2020. Pp. 232–255. (In Russian)

Lukin P. V. The principle of unanimity in the perceptions and political practice of Old Rus’ // Images of the past: a collection in memory of A. Ya. Gurevich. Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2011. Pp. 372–391. (In Russian)

Lukin P. V. Urban community and consensus: brotherhood and communalism in medieval Novgorod // Imagined communities on the Baltic Rim, from the eleventh to fifteenth centuries. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2016. Pp. 279–306.

Lurye Ya. S. All-Russian chronicles of the 14th–15th centuries. Leningrad: Nauka, 1976. (In Russian)

Nakadzawa A. On one peculiarity of the editing of the Sofia First Chronicle // On Old and New Russian literature. Saint Petersburg: Philological Faculty of Saint Petersburg State University, 2005. Pp. 51–61. (In Russian)

Nasonov A. N. From the history of Pskov chronicle writing // Complete collection of Russian chronicles. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2003. Vol. 5. Pt. 1. Pp. 9–44. (In Russian)

Okhotnikova V. I. Pskov hagiography of the 14th–17th centuries: research and texts. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2007. Vol. 1: The lives of princes Vsevolod-Gabriel and Timothy-Dovmont. (In Russian)

Shcherbatov M. M. Russian history from the earliest times. Vol. 3: From the conquest of Russia by the Tatars to Grand Prince Dmitry Ioannovich Donskoy. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1774. (In Russian)

Sreznevsky I. I. Dictionary of the Old Russian language. Reprint edition. Moscow: Kniga, 1989. Vol. 2. Pt. 2: P. (In Russian)

Uspensky B. A. “Lord Novgorod the Great”: the origin of the name // Old Rus’. Questions of medieval studies, 2021. No. 3 (85). Pp. 24–44. (In Russian)

Valerov A. V. Novgorod and Pskov: essays on the political history of North-Western Rus’ in the 11th–14th centuries. Saint Petersburg: Aleteyya, 2004. (In Russian)

Vovin A. A. The city commune of medieval Pskov: 14th – early 16th century. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg Press, 2019. (In Russian)

Yanin V. L. “Bolotov” treaty on the relations between Novgorod and Pskov in the 12th–14th centuries // National history, 1992. No. 6. Pp. 3–14. (In Russian)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси

ГВНП (2-е изд.) – Грамоты Великого Новгорода и Пскова

ГДИНП 1392–1409 – Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова. 1392–1409 гг.

Ипат. – Ипатьевская летопись

Н4Л – Новгородская IV летопись

НК1 – Новгородская Карамзинская летопись (первая выборка)

НК2 – Новгородская Карамзинская летопись (вторая выборка)

НПЛ мл. – Новгородская I летопись младшего извода

НПЛ ст. – Новгородская I летопись старшего извода

НСГ – летописи Новгородско-Софийской группы

П1 – Псковская I летопись

П2 – Псковская II летопись

П3 – Псковская III летопись

ПВЛ – Повесть временных лет

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

С1 – Софийская I летопись старшего извода

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)